

История медной бабушки

Ещё в Лицее А. С. Пушкин начал проявлять интерес к екатерининской эпохе. В стихотворении «Воспоминание в Царском Селе» поэт прославляет Екатерину II, называя её Минервой – богиней мудрости. Во время пребывания в Одессе Пушкин, обнаружив в библиотеке графа М.С. Воронцова «Записки Екатерины II», переписывает их для себя. По всей вероятности, эти записки принадлежали Екатерине Дашковой, тётке М.С. Воронцова.

В своих произведениях поэт часто обращается к деятелям екатерининского века и лично к Екатерине II. В повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкин выделяет гуманизм императрицы в деле оправдания Гринёва. О положительном отношении поэта к правлению Екатерины II свидетельствует также его письмо к П. Чаадаеву от 19 октября 1836 года.

Однако Пушкин совершенно не предполагал, что образ Екатерины II, воплощённый в памятнике ей, изготовленном в Берлине, станет предметом его личных забот в 1830–1832 годах.

История статуи такова: в восьмидесятых годах XVIII века прадед Н. Гончаровой заказал в Берлине скульптору Мейеру колоссальную бронзовую статую Екатерины II. После изготовления её перевезли в имение Полотняный Завод. Однако

по ряду причин статуя не была установлена. Когда Пушкин с невестой посетили Полотняный Завод, дед Наташи решил продать статую, а вырученные деньги передать внучке в качестве приданого.

Пушкин и Наталья называли статую «медной бабушкой». Превеличивая значение придворных связей поэта, дед взвалил на него одновременно хлопоты по продаже статуи и ходатайство по выделению ссуды для Полотняного Завода.

Вернувшись в Петербург, Пушкин встречается с министром финансов Е.Ф. Канкриным, ходатайствуя о выдаче правительством ссуды А.Н. Гончарову взамен залога имения. Но прошение о ссуде не было удовлетворено.

29 мая 1830 года Пушкин направляет графу А.Х. Бенкендорфу письмо для получения разрешения на переплавку статуи, за которую торговцы медью предлагали А.Н. Гончарову 40 тысяч рублей. В ответном письме от 26 июня 1830 года граф Бенкендорф сообщает Пушкину о согласии царя Николая I на переплавку статуи Екатерины II. Но А. Н. Гончаров раздумал расплавлять статую, надеясь в будущем выгодно продать её в казну.

Спустя год по инициативе деда статуя перевезли в Петербург и хранили в доме, где проживал А. С. Пушкин с семьей.

7 июня 1832 года дедушка Натальи приезжает в Петербург, где крестит первую дочь Пушкина Марию. С первого же

*Памятник Екатерине II
в «Санкт-Петербурге»*

дня пребывания в Петербурге Гончаров напоминает поэту о статуе Екатерины II. Свидетельством этого является письмо Пушкина графу Бенкендорфу от 8 июля 1830 года:

«Генерал,

Два или три года тому назад господин Гончаров, дед моей жены, сильно нуждаясь в деньгах, собирался расплавить колоссальную статую Екатерины II, именно к вашему превосходительству обращался я по этому поводу за разрешением. Предполагая, что речь идет просто об уродливой бронзовой глыбе, я ни о чем другом и не просил. Но статуя оказалась, прекрасным произведением искусства, и я посоветился и пожалел уничтожить ее ради нескольких тысяч рублей. Ваше превосходительство с обычной своей добротой подали мне надежду, что ее могло бы, купить у меня правительство; поэтому я велел привезти ее сюда. Средства частных лиц не позволяют ни купить, ни хранить ее у себя, однако эта прекрасная статуя могла бы занять подобающее ей место либо в одном из учреждений, основанных императрицей, либо в Царском Селе, где ее статуи недостает среди памятников, воздвигнутых ею в честь великих людей, которые ей служили. Я хотел бы получить за нее 25 000 рублей, что составляет четвертую часть того, что она стоила (этот памятник был отлит в Пруссии берлинским скульптором).

В настоящее время статуя находится у меня (Фуриштатская улица, дом Алымова)».

В ответ на письмо поэта была создана комиссия из известных скульпторов и художников. В заключение комиссии отмечено, что цена статуи – 25 тысяч рублей – весьма умеренная, и в случае нового заказа изготовление статуи обошлось бы значительно дороже.

Несмотря на положительное решение, правительство не спешило с приобретением статуи. Спустя год, в феврале 1833 года, Наталья Николаевна обращается по вопросу продажи «медной бабушки» к министру двора П.М. Волконскому, но получает отказ.

*Памятник Екатерины II в Одессе
(Разрушен в 1920-е гг.)*

Статуя была продана лишь после смерти Пушкина заводчику Берду, который в 1845 году продал её за 7 тысяч рублей серебром екатеринославскому дворянству.

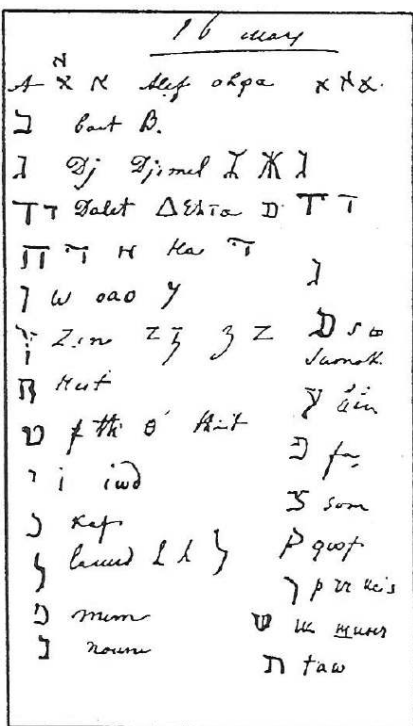
А.С. Пушкину не суждено было знать, что последнюю точку в одиссее статуи Екатерины II поставит его бывший одесский начальник граф М.С. Воронцов. «Русский архив» (2-я книга за 1876 год) подтверждает наличие переписки по вопросу установления памятника Екатерине II между властями Екатеринослава и губернатором Новороссийского края графом М. С. Воронцовым, санкционировавшим его установку.

Открытие памятника состоялось 26 октября 1846 года. До революции 1917 года в России были известны три памятника Екатерине II: в Петербурге, Одессе и Екатеринославе.

После революции одесские максималисты постановили снять памятник царице, своим рескриптом основавшей город Одессу. Части памятника и поныне лежат в подвале одного из музеев Одессы. Судьба памятника в Екатеринославе, который почти в течение трёх лет был предметом забот А.С. Пушкина, неизвестна. Памятник Екатерине II в Ленинграде сохранился.

Пушкин придавал большое значение увековечиванию памяти великих людей. Так он участвует в подписке на памятник историку Н. Карамзину. Но вряд ли Пушкин предполагал тогда, что спустя пятьдесят лет в центре Москвы ему – величайшему поэту России – будет воздвигнут памятник, а в XX веке – и в других городах страны.

Восток в творчестве А.С. Пушкина

Начиная с 1821 года, Пушкин всё чаще обращается к восточной тематике. Несомненный успех выпал на долю его поэмы «Бахчисарайский фонтан». Ещё до выхода в свет поэма получила широкое распространение. «В Петербурге ходят тысячи списков», – писал поэт брату Льву в апреле 1824 года. «Бахчисарайский фонтан» вышел двумя отдельными изданиями в 1827 и 1830 гг. В 1826 г. поэма была издана в Париже под названием «Фонтан слёз».

В последующие годы Пушкин создаёт новые шедевры, посвящённые Востоку: «Подражание арабскому», «Тазит», «Из Гафиза»,

Запись еврейского алфавита, сделанная Пушкиным, из журнала «Иллюстрированная Россия», Париж, 1937 г., стр. 85. (Из коллекции художника Л. Нуссберга)

«Стамбул гяуры нынче славят...», «Подражание корану», «От меня вечер Лейла...» и др.

Своего рода сенсацией стал специальный выпуск журнала «Иллюстрированная Россия», издаваемого в Париже, за 1937 год. Выпуск был приурочен к 100-летней годовщине со дня смерти А.С. Пушкина. На странице 85 редакция поместила запись Пушкиным еврейского алфавита, сопроводив его следующим текстом: «...Нередко брался он (Пушкин) за изучение совершенно чуждых образованному европейцу того времени языков, например, арабского или еврейского».

Возможно, что это утверждение основано на сообщении П.В. Киреевского, близко знавшего Пушкина. В письме от 12 октября 1832 года он писал одному из своих друзей: «Пушкин был недели две в Москве и третьего дня уехал. Он учится по-еврейски, с намерением переводить Иова».

Основываясь на этом факте, можно предположить, что Пушкину было известно происхождение его «талисмана» – перстня, подаренного ему графиней Е. К. Воронцовой, с надписью на древнееврейском языке: «Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память».

Даже если в бывшем Союзе и стало известно о парижской публикации 1937 года, никто не осмелился тогда комментировать сообщение из эмигрантского журнала.

Спустя 20 лет, в 1956 году, был обнаружен новый автограф Пушкина, также имеющий отношение к восточной теме. Речь идет о бумагах русского египтолога И. А. Гульянова, члена Российской Академии наук, найденных в архиве Исторического музея в Москве.

Об этой находке писала Р.Е. Теребенина во «Временнике пушкинской комиссии» за 1965 год. На листе белой плотной бумаги, с золотым обрезом по верхнему и правому краю, карандашом, почти контурно, набросан рисунок египетской

пирамиды; сверху надпись «Les pir<amides>» (pyramides); под рисунком небрежно – «Дрезд<ен> 1833» (переделано из «1832»). Рисунок и надписи сделаны одним карандашом, одновременно. Под ними, внизу листа, рукой И. А. Гульянова чернилами написано: «Начертано поэтом Александром Пушкиным во время разговора, который я имел с ним сегодня утром о моих трудах вообще и об иероглифических знаках в частности. Москва, 13/25 декабря 1831 г.» (Перевод с французского).

Подрисовочная подпись: «Дрезден, 1833», сделанная Пушкиным, могла возникнуть во время разговора о дальнейших планах Гульянова, о его предстоящем отъезде в Дрезден для окончания научных исследований. Рисунок пирамиды показывает, что разговор зашёл о Египте и его памятниках. Пушкин, по-видимому, проявил к ним большой интерес. Его рисунок точно передаёт особенности строения пирамид.

Отзвуком разговора поэта о памятниках Египта являются строки о них в черновиках «Осени» – «вечности символы, пирамиды». Общение с Гульяновым расширило представление Пушкина о Древнем Египте, что нашло отражение в его творчестве 30-х годов («Египетские ночи», «Мы проводили вечер на даче»).

Восточный цикл поэм и стихотворений Пушкина является результатом его личных наблюдений во время поездок по Крыму и Кавказу (1820 г.) и путешествия в Арзрум (1829 г.) Из этого цикла самым значительным произведением является «Бахчисарайский фонтан». Через год после его выхода Пушкин написал стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца»:

*Фонтан любви, фонтан живой!
Принес я в дар тебе две розы.
Люблю немолчный говор твой
И поэтические слезы.*

В Америке «Бахчисарайский фонтан» впервые был опубликован в Филадельфии в 1849 году. Перевод был сделан Уильямом Льюисом, прожившим несколько лет в России.

Шахматы в жизни Пушкина

Создатели легенд о великом поэте чаще всего берут за основу различные стороны его личной жизни: увлечение женщинами, картами и т.п. Многочисленные исследования на эти темы не содержат, увы, новизны. Ну, кто станет отрицать, например, пристрастие А.С. Пушкина к карточной игре? Многочисленные упоминания на этот счёт можно найти в его переписке с друзьями и знакомыми. Поэт вполне откровенно сообщает в письмах о своих проигрышах, редко – выигрышах, а также о карточных долгах. Желая убедиться в этом, рекомендуем прочесть его переписку с Павлом Нащокиным и Сергеем Соболевским.

Из многих источников известны и такие увлечения Пушкина, как рисование, игра на биллиарде, верховая езда, стрельба в цель...

Увлекался поэт и шахматами. Кстати, весьма примечательно, что почти все свои любимые занятия Пушкин отразил в

Экслибрис «Пушкин за игрой в шахматы»

Художник Н. Карасёв, Москва

романе «Евгений Онегин». В четвёртой главе находим такое упоминание о шахматах:

*...Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеянье свою.*

В этой же главе поэт, быть может, вспоминая свою жизнь в Михайловском, пишет:

*Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,
Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт...*

В письме П. А. Вяземскому в июне 1826 года Пушкин писал: «В 4-й песне Онегина я изобразил свою жизнь».

В главе пятой читаем о картах:

*Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист, доньне знаменитый...*

Вернёмся, однако, к шахматам. Пушкин любил «игру королей». Упоминания о шахматной игре встречаются в его письмах, записках, дневниках его современников.

Поэт не только сам увлекался шахматами, но и стремился привить любовь к ним жене. Спустя год после замужества Наталья Николаевна сообщает мужу о своём увлечении шахматами. В ответном письме от 30 сентября 1832 года Пушкин пишет ей о полемике с профессором Каченовским в Московском университете и благодарит её за увлечение игрой мудрых: «...Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы

учишься. Это непременно нужно во всяком благоустроенном семействе: докажу после».

В библиотеке поэта сохранилось несколько пособий по игре в шахматы, например, книга выдающегося русского мастера Александра Дмитриевича Петрова (1794–1867) «Шахматная игра, приведённая в систематический порядок, с присовокуплением игр Филидора и примечания на оные» (СПб, 1824 г.) с дарственной надписью автора: «Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения издателя».

Книга эта была издана небольшим тиражом – всего 300 экземпляров. Пять частей книги Петрова дают развёрнутую картину теории и практики шахматного искусства первой четверти XIX столетия. Кроме анализа партий знаменитого французского мастера Филидора, Петров приводит серию задач, в том числе свою знаменитую задачу «Бегство Наполеона из Москвы в Париж».

Интересно знать, как отнёсся Пушкин к трактовке Петровым этой ситуации. Дело в том, что задача Петрова «Бегство Наполеона...» не совсем соответствует действительному ходу отступления французской армии. Так в этой шахматной задаче конница генерала Уварова имела возможность закончить битву до начала переправы французов через Березину.

На самом деле некоторым частям французской армии удалось переправиться. Что касается самого Наполеона, то он вместе с посланцем Коленкурром ещё раньше покинул свою разбитую армию, оставив её на Мюрата.

Думается, что Пушкин, анализируя задачу Петрова, заметил эту неточность.

В отрывке из неоконченной сказки «Царь увидел пред собою...» (1833 г.) Пушкин описывает маневр царя на шах-

матной доске, который он намерен претворить в дальнейшем на поле боя:

*Царь увидел пред собою
Столик с шахматной доскою.*

* * *

*Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь, на лошадаках,
В коленкоровых перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.*

* * *

*Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы,
А веревки...*

Сказка, как уже говорилось, осталась неоконченной.

Эпизод колдовства над куколками Пушкин взял из «Легенды об арабском звездочёте» В. Ирвинга добавив от себя описание колдовства над игрушечными корабликами, барками и шлюпками.

Книга Петрова была напечатана в типографии Греча. Можно предположить, что автор подарил её Пушкину после возвращения поэта в Москву из Михайловской ссылки в

1826 году. Четвёртая глава «Евгения Онегина» была начата в октябре 1824 года. В приведённом выше отрывке об игре в шахматы между Ольгой и Ленским видно, что Пушкин хорошо разбирался в правилах шахматной игры.

Кроме книги Петрова, в библиотеке Пушкина также сохранилось несколько номеров журнале «Le Palamede», издававшегося в Париже. Номера этого шахматного журнала (с первого по третий) вышли в свет в начале 1836 года и были приобретены поэтом у Ф. Беллизара, владельца книжного магазина, расположенного в доме Голландской церкви (ныне Невский проспект, 20), 14 августа 1836 года. Этот факт интересен прежде всего тем, что, несмотря на озабоченность поэта началом неприязненных отношений с Дантесом, он тем не менее считал важным для себя быть в курсе последних шахматных достижений.

В 1973 году в Нью-Йорке впервые вышла в свет антология русской поэзии на шахматную тему «Мнемозина и Каисса» (составитель Э. Штейн). В эту книгу включены фрагменты из неоконченной сказки А.С. Пушкина «Царь увидел пред собою / Столик с шахматной доскою...»

Антология «Мнемозина и Каисса» охватывает период от Пушкина до наших дней.

Я к вам пишу...

К 170-летию письма Татьяны

Письмо Татьяны... Это беспрецедентный для той эпохи поступок: женщина первая объясняется в любви.

На протяжении более ста пятидесяти лет исследователи творчества Пушкина пытаются разгадать, кто же является прототипом Татьяны. В этой связи обратимся к некоторым страницам романа «Евгений Онегин»:

*... Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?*

Из приведённого отрывка (глава 1-я, строфа LVII) совершенно очевидно, что даже своим друзьям поэт не открывает имя женщины, воплощённой им в образе Татьяны.

В другом отрывке (глава 8-я, строфа LI) читаем:

*Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал...
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.
Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О, много, много рок отъял!*

По мнению некоторых исследователей, в последних строках этой строфы Пушкин имеет в виду Марию Волконскую, дочь генерала Раевского, последовавшую за мужем в Сибирь.

В письме князю Н. Б. Голицину из Петербурга в Артек (Крым) от 10 ноября 1836 года поэт писал: «...Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату, письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего «Онегина», и вы, конечно, узнали некоторых лиц».

Действительно, в 1820 году Пушкин вместе с семейством Раевских находился в Крыму и в память об этом путешествии посвятил пятнадцатилетней Марии Раевской изумительные по красоте строки (глава I-я, строфа XXXIII):

Что касается изображений графини Воронцовой в пушкинских черновиках, то, на мой взгляд, их следует рассматривать, как одно из увлечений поэта, не связанных с образом Татьяны.

Существует ещё одна версия относительно прототипа Татьяны Лариной, которой следует отдать предпочтение. Речь идёт об Анне Николаевне Вульф, старшей дочери П.А. Осиповой.

В «Материалах для биографии А. С. Пушкина» Анненков пишет об этом: *«Две старшие дочери 2-жи Осиповой от первого мужа, Анна и Евпраксия Николаевны Вульф, составляли два противоположных типа, отражение которых в Татьяне и Ольге «Онегина» не подлежит сомнению... По отношению к Пушкину Анна Николаевна представляла, как и Татьяна по отношению к Онегину, полное самоотвержение и привязанность...»*

И всё же Анненков не совсем прав, утверждая далее: *«сестры не носят на себе, по действию творческой силы, ни малейшего признака портретов с натуры, а возведены в общие типы русских женщин той эпохи».*

Безусловно, образ Татьяны является собирательным, иными словами Татьяна – уездная барышня и Татьяна – светская дама – разные типы женщин.

Брат Анны и Евпраксии, Алексей Вульф, в своём «Дневнике» писал: *«С большим удовольствием перечел и сегодня 8-ю и вместе последнюю главу «Онегина», одну из лучших глав всего романа, который всегда останется одним из блистательнейших произведений Пушкина, украшением нынешней нашей литературы, довольно верною картиною нравов, а для меня лично – источником воспоминаний весьма приятных по большей части, потому что он не только почти весь написан в моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она вся взята из*

пребывания Пушкина у нас, "в губернии Псковской". Так я, дерптский студент, явился в виде геттингенского под названием Ленского; любезные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них».

Большой интерес вызывают сохранившиеся шесть писем Анны Вульф к Пушкину и два письма Пушкина к Анне. Письма Анны свидетельствуют о её сильном чувстве к поэту и неразделённой любви.

Удивительно, что никто ранее не пытался сопоставить тексты писем Анны Вульф к Пушкину с письмом Татьяны к Онегину. В них много сходных выражений: «глушь», «слёзы лью», «то воля неба»...

Вот, например, выдержка из письма Анны Вульф от февраля 1826 года: «...*Видите, всему виною вы сами; не знаю, проклинать ли мне или благословлять провидение за то, что оно послало вас в Тригорское?..*»

В письме Татьяны:

То в вышнем суждено совете...

То воля неба: я твоя;

Вся жизнь моя была залогом

Свиданья верного с тобой;

Я знаю, ты мне послан богом,

До гроба ты хранитель мой...

Из того же письма Анны: «*Знаете ли вы, что я плачу над письмом к вам? Это компрометирует меня, я чувствую, но это сильнее меня, я не могу с собой справиться...*»

Из письма Татьяны:

Но так и быть! Судьбу мою

Отныне я тебе вручаю,

Перед тобою слезы лью,

Твоей защиты умоляю...

В письме от 16 сентября 1826 года Анна Вульф пишет Пушкину: *«Письмо мое доказывает, какое у меня доверие к вам. Надеюсь поэтому, что вы не станете меня компрометировать и разорвете это письмо; получу ли я на него ответ?»*

Татьяна – Онегину:

Кончаю! Страшно перечесть...

Стыдом и страхом замираю...

Но мне порукой ваша честь,

И смело ей себя вверяю...

Сравнения можно было бы продолжить, но мы ограничимся лишь свидетельством первого биографа Пушкина. П. Анненков в вышеупомянутой книге, описывая стиль работы поэта при осуществлении своих замыслов, приводит его черновые заметки, предшествующие письму Татьяны: *«Я знаю, что вы презираете... я долго хотела молчать... я думала, что вас увижу... я ничего не хочу – хочу вас видеть... Придите... Вы должны быть... Если нет – меня обманул...»*

А вот как звучат эти строки в письме Татьяны:

Сначала я молчать хотела;

Поверьте: моего стыда

Вы не узнали б никогда,

Когда б надежду я имела

Хоть редко, хоть в неделю раз

В деревне нашей видеть вас...

В пользу этой версии говорит и тот факт, что III-я глава романа с письмом Татьяны была опубликована в октябре 1827 года, не исключено, что Пушкин при создании окончательного варианта письма мог использовать письма А. Вульф, датированные 1826 годом.

Тригорское в жизни Пушкина

В апреле 1997 года мною была получена небольшая бандероль. Вскрыв её, я увидел кусочек старого тёмного дерева. На коробочке была надпись: *«Кусочек дома Тригорского»*.

Этот необычный сувенир – подарок от директора Пушкинского заповедника Георгия Василевича. Трогательный кусочек старинного дерева вновь напомнил, какую важную роль сыграли хозяйка Тригорского Прасковья Осипова и её дочери в жизни Пушкина.

Впервые поэт познакомился с ними летом 1817 года после окончания Лицея. С этого времени на протяжении двадцати лет он поддерживал дружеские отношения с семьёй Осиповой-Вульф.

Первый биограф поэта П. Анненков писал: *«П.А. Осипова была женщиной очень стойкого нрава и характера, но Пушкин имел на неё почти безграничное влияние»*.

О дочерях Осиповой П. Анненков замечает, что они «имели отражение в образах Татьяны и Ольги «Онегина».

В 1817 году Пушкин провёл в Михайловском около двух месяцев и был частым гостем в Тригорском. Перед отъездом из Михайловского он вписывает в альбом Прасковьи Осиповой своё первое стихотворение, обращённое к ней: *«простите, верные дубравы...»*

А.С. Пушкин

Рис. Л.Гервица. 1968

Летом 1817 года Осиповой исполнилось 36 лет, Пушкину – 18. В упомянутом выше стихотворении есть такие строки:

*Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.*

*А.П. Керн.
Рис. А.С. Пушкин*

Кому оставил своё сердце Пушкин – Осиповой или одной из дочерей? Следует ли нам принимать во внимание разницу в возрасте поэта и хозяйки Тригорского? Думается, что не следует. Известны факты увлечений Пушкина в 1816–1817 гг. женщинами значительно старше него.

Так, в 1816 году Пушкин пишет любовное послание жене историка Николая Карамзина Екатерине Карамзиной, которая была старше поэта на 19 лет. После окончания Лицея он посещает

литературный салон княгини Евдокии Голицыной и ухаживает за ней. Более того, княгиня удостоилась чести быть внесённой в так называемый «донжуанский» список. Как и Карамзина, Голицына была старше Пушкина на 19 лет.

Таким образом, можно предположить, что в первом своём стихотворении, посвящённом П. Осиповой, поэт «оставляет своё сердце» именно хозяйке Тригорского, а не одной из дочерей.

Спустя 7 лет, в 1824 году, Пушкин прибывает в Михайловское в качестве ссыльного. Биографы по-разному трактуют

отношения поэта с обитателями Тригорского, **но бумаги со стихотворением «Я помню чудное мгновенье...»**

Вторую попытку воспрепятствовать общению дочери с Пушкиным Прасковья Александровна предпринимает в марте 1826 года. Ревность Осиповой к А. Керн и своей дочери Анне подтверждает в письме к Пушкину от 8 марта сама Анна Вульф: **«...Вчера у меня была очень оживленная»**, очевидно, что в это время Пушкин начинает ухаживать за дочерьми Осиповой – Евпраксией и Анной.

Талия Евпраксии (Зизи) была увековечена Пушкиным в романе «Евгений Онегин». Рисуя обед у Лариных, он писал:

*За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!*

В июне 1825 года в Тригорское приезжает племянница Осиповой – Анна Керн. Хозяйка Тригорского замечает, что Пушкин очень увлечён Анной Керн, и решает увезти её и свою дочь Анну Вульф в Ригу.

Анна Керн в своих «Записках», вспоминая день отъезда из Тригорского, пишет, что Пушкин принёс ей экземпляр 2-й главы «Евгения Онегина», в котором она обнаружила четверто сложенный лист: **«сцена с матерью по поводу моего отъезда. Она сказала перед всеми родными, что оставляет меня здесь (т.е. в Малинниках – М.М.). Если бы вы знали, как я опечалена. Я, право, думаю, подобно А.К. (Анне Керн – М.М.), что она одна хочет вас покорить и оставляет меня здесь из ревности...»**

В 1826 году Осиповой исполнилось 45 лет, её дочери Анне Вульф – 26, Пушкину – 27, а Анне Керн – 26 лет. В письмах

Осиповой к Пушкину мы встречаем следующие выражения: *«...Прощайте, целую ваши прекрасные глаза, которые я так люблю»* (конец 1826 года, Тригорское).

Другое письмо: *«...Бывают моменты, когда я желаю иметь крылья, чтобы унести к вам, увидеть вас на мгновение и затем вернуться, но это безумие, не правда ли?»* (28 марта 1832 год). Или ещё: *«...Дочери мои благодарят вас за память, а я целую вас в глаза, – да будет стыдно тому, кто истолкует это в дурную сторону... остаюсь ваша преданная слуга П.Осипова»* (22 мая 1832 год). И снова: *«...Желаю вам спокойной ночи, целую дважды ваши глаза подчас такие прекрасные»* (24 июня 1834 год). *«...Уже почти восемь месяцев как мы с вами не виделись, дорогой и горячо любимый Пушкин»* (15 декабря 1836 год).

Указанное выше письмо дочери Анны и письма самой П. Осиповой к Пушкину не исключают интимного характера отношений между хозяйкой Тригорского и поэтом.

В 1994 году в Москве была издана книга «Любовный быт пушкинской эпохи» в двух томах. В статье о П.А. Осиповой говорится: *«...из приведённых выше писем старшей дочери Осиповой Анны Николаевны Вульф мы видели, что Прасковья Александровна была по-женски увлечена Пушкиным и даже старалась всячески отстранить от него возможных соперниц»*.

В 1824 году Пушкин посвящает Осиповой стихотворение «Подражание Корану», а в 1825 году два стихотворения: «Быть может, уж недолго мне...» и небольшое, но утончённо-прелестное – «Последние цветы», в котором Пушкин в индизказательной поэтической форме прямо указывает на явное предпочтение, влекущее поэта именно к хозяйке Тригорского, а не к её молодым соперницам:

*Цветы последние милей
Роскошных первенцев полей.
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.*

По утверждению А.И. Тургенева, Пушкин провёл в Тригорском лучшие минуты своей поэтической жизни.

Одесский долг Пушкина

О пребывании поэта на Юге написано немало статей и книг. Авторы исследований об этом периоде обычно концентрируют внимание читателей на увлечениях Пушкина в Одессе Амалией Ризнич, Елизаветой Воронцовой и Каролиной Собаньской.

Между тем, Пушкин увлекался также верховой ездой, стрельбой, игрой на бильярде. Но особенно известна его страсть к карточной игре. Как правило, Пушкин оказывался в проигрыше. Постоянно испытывая недостаток в деньгах, он вынужден был ещё погашать и карточные долги своего младшего брата Льва.

И всё же перед самым отъездом из Одессы в Михайловское фортуна улыбнулась Пушкину. Во время игры с городским головой Одессы Филиппом Лучичем и коллежским ассесором А. Савеловым ему везло, и он выиграл у Лучича 900 рублей – немалые деньги по тем временам.

На следующий день Лучич отдал поэту 300 рублей, а остальные 600 рублей перевёл на Савелова, который согласился уплатить Пушкину эту сумму.

Перед отъездом из Одессы Пушкин занял 600 рублей у княгини Веры Вяземской, с условием, что этот долг вернёт

ей Савелов. Однако по прибытии в Михайловское Пушкин узнал, что Савелов отказывается от уплаты долга. Далее события развивались следующим образом.

И. Пущин, лицейский друг Пушкина, приехал в Михайловское навестить его, и поэт вручил ему 600 рублей для передачи Вяземской.

В связи с этим предлагаю читателю познакомиться с фрагментами переписки Пушкина с князем Вяземским и Туманским.

Пушкин – П. Вяземскому, 28 января 1825 г., Тригорское:
«Пущин привезет тебе 600 рублей. Отдай их княгине Вере Федоровне и с моей благодарностью. Савелов большой подлец. Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Перешли его (в конверте) в Одессу по okazji, а то по почте он скажет: не получил»

Пушкин – В. Туманскому, 13 августа 1825 г., Михайловское:

«Милый мой Туманский, у меня до тебя просьба, надеюсь, что не откажешься оказать мне истинное одолжение. Вот в чем дело: за несколько дней пред моим отъездом из Одессы Савелов и я играли у Лучича; Лучич проиграл мне 900 р., из коих 300 заплатил мне на другой же день, а остальные 600 перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном отъезде я занял эти 600 р. у княгини Вяземской (с согласия же Савелова). После узнаю, что он отрекается от своего долга. Деньги эти пропали, так и быть, но боюсь, чтоб это не перетолковали мои приятели, которых у меня много, и все охотники до толков. Расскажи это просто, *par mani'ere de conversation*¹, Лучичу. Он человек честный и,

¹ В разговоре, между прочим (фр.)

верно, не солжет в деле, касающемся до чести. Повторяю, что денег этих мне не нужно и что даже возиться с Савеловым я не намерен. Отпиши мне отзыв Лучича; вот и все».

Но злключения с возвратом пресловутых 600 рублей на этом ещё не кончились. Не сумев их передать Вяземскому лично, Пущин доверил это сделать брату поэта Льву.

Пушкин – П. Вяземскому, вторая половина ноября 1825 г., Михайловское: «Я думал, что ты давно получил от Льва Сергеевича 600 р., украденные Савеловым, – узнаю, что Лев их промотал; извини его и жди оброка, что соберу на днях с моего сельца Санкт-Петербурга».

Как видно из этих фрагментов, переписка Пушкина в связи с карточным долгом продолжалась в течение десяти месяцев 1825 года.

Однако одесский долг Пушкину не был возвращён, а его партнёры по игре в карты Ф. Лучич и А. Савелов в итоге удостоились включения в книгу Л. Черейского «Пушкин и его окружение», в которой приведены их краткие биографические данные, а также в собрание сочинений Пушкина и в «Летопись» (составители М.А. Цявловский и Н.А. Тархова), вышедшую в свет в 1999 году к 200-летию со дня рождения Пушкина.

Вызывает удивление, что этот эпизод не привлёк внимание авторов статей и эссе о последних днях пребывания Пушкина в Одессе.

Пушкин прожил в Одессе тринадцать месяцев. Влюблялся, писал стихи, сочинил вторую главу «Евгения Онегина» и начало третьей, письмо Татьяны к Онегину... Попутно играл в карты и наслаждался морем:

*Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,*

*С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я...*

В Одессе Пушкин начал собирать книги для своей будущей библиотеки. Свою любовь к «свободной стихии» Пушкин отразил в стихотворении «К морю», а достопримечательности Одессы – в отрывке из путешествия Онегина. Поэт В. Туманский писал Пушкину 20 апреля 1827 года из Одессы: *«...Любезный Пушкин, твое описание Одессы, оно принадлежит нам по праву, ибо в нем заключается грамота на бессмертие для нашего города...»*

Как бы подводя итог своему пребыванию в Одессе, Пушкин заканчивает отрывок из путешествия Онегина словами: *«Итак, я жил тогда в Одессе...»*

Публикация Владимира Крыжановского

